

А. П. Ярков*Институт гуманитарных исследований
Тюменского государственного университета***Тобольск в контексте знаний россиян о Китае**

В силу комплекса природных, исторических, социальных обстоятельств Тобольск оказался своеобразным результатом соединения традиционной культуры (основанной на переплетении русской старожильческой, тюркско-татарской, угорской и самодийской культур) и европейского образования; влияния столичных идей Просвещения и просвещенного провинциализма. В совокупности это именуется «тобольским типом культуры», который, как отмечено в Сибирской советской энциклопедии, характерен и для других городов Западной Сибири¹. Поэтому, выявляя истоки в одном городе, можно определить формообразующие структуры городской общесибирской культуры, указать место этого города в расширяющемся знании (в том числе научном) об Азии в целом.

Конечно, «тобольский тип культуры» не является застывшей схемой: для него характерны исчезновение одних и сохранение (полностью или частично) других элементов, трансформация и адаптация к изменяющимся условиям общественного быта, появление и включение новых и заимствованных элементов.

Этот тип культуры окончательно обрёл своё лицо в XVIII в., но его истоки следует искать в более ранних эпохах.

Дело в том, что Тобольск сложился не только как административный, но и как экономический и культурный центр, привлекавший людей различных национальностей и вероисповеданий: в 1595 г. туда пришли первые бухарские караваны; из Тобольска снаряжались торговые и посольские караваны в Монголию и Китай. На городском рынке были представлены русские, западноевропейские и азиатские товары, которые отражали достижения иных культур, возбуждая интерес к оплодотворявшим их идеям.

¹ См.: Сибирская советская энциклопедия : в 3 т. Новосибирск, 1932. Т. 3. С. 168.

Административно-территориальное управление в Сибири соответствовало общегосударственному; здесь разряды объединяли уезды (их центры становились городами независимо от численности), а низовой ячейкой стали волости. Были изменчивы не только политические границы сибирских территорий России и отношения подданных, но и число «транспортёров» различных культур: среди ссыльных и служилых людей были не только русские, украинцы, но и немцы, поляки, белорусы, литовцы, евреи, французы, имевшие различный статус и образовательный уровень. Конечно же, шёл трудный процесс притерпевания: пришлые испытывали стресс от необычной среды обитания; коренные жители — от непривычного облика и характера жизнедеятельности «новых сибиряков». Сложившаяся ситуация преодолевалась совместно, рождая новые отношения.

Существовали и внутренние факторы расширения «социокультурных горизонтов», один из которых назвал Р. Ю. Фёдоров: прежняя закрытость русских от иноземного воздействия разрушилась естественным путем — с открытием «окон» и «ворот» в Сибирь изменилась их картина мира².

Трансформировалась она также у коренного населения — ещё не обладая знаниями о масштабе территории и ресурсов государства, в котором оно проживало, оно приобрело осознание реальности: русские и их союзники обладают не только тактикой военных действий с использованием огнестрельного оружия, но и имеют политико-дипломатический опыт в нейтрализации возможных последствий от объединения явных или потенциальных врагов, обретающихся и вдали от Тобольска — центра огромных российских владений в Азии.

Этот город сложился не только как административный, но и как экономический и культурный центр, привлекавший людей различных национальностей и вероисповеданий: в 1595 г. туда пришли первые бухарские караваны; из Тобольска снаряжались торговые и посольские караваны в Монголию и Китай. На городском рынке были представлены русские, западноевропейские и азиатские товары, которые

² Фёдоров Р. Ю. Освоение регионов Урала и Западной Сибири как социокультурный процесс: структура, коммуникации, ценности : дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2009. С. 95.

отражали достижения иных культур, возбуждая интерес к оплодотворявшим их идеям.

Тобольяки в силу обстоятельств приняли участие в Великих географических открытиях, изменивших представления сибиряков об окружающем пространстве: одними из первых они начали освоение морских путей вдоль северо-восточных и восточных побережий Сибири, прошли Беринговым проливом (С. И. Дежнёв), открыли Курильские острова (Д. Анциферов, И. Козыревский) и ряд островов в Ледовитом океане³. Уроженцам Тобольска принадлежит приоритет в определении российских границ, сфер политического и экономического влияния на Дальнем Востоке, в разграничении с Китаем и Японией.

Первыми из подданных России наблюдали Сахалин казаки из собранного в Тобольске отряда В. Д. Пояркова, вышедшие в устье реки Амур в 1644 г.; через 11 лет они отправились оттуда для подчинения сахалинцев и сбора ясака, опередив японцев. Тобольяк Д. И. Павлуцкий вошёл в историю географических открытий тем, что будучи командиром Анадырской партии из 400 казаков, созданной для подчинения чукчей и коряков, открыл возможность сухопутного пути от Шелагского мыса до Чукотского полуострова. В донесениях он сообщал важные этнографические данные; описал географию и составил свою карту Чукотки; доказал близость северо-восточной оконечности Евразии к Северной Америке.

В Тобольске сведения о восточных странах накапливались потому, что минуть этот город не могли ни торговые, ни посольские караваны, задерживавшиеся здесь на длительные сроки для пополнения припасов, строительства кораблей или в ожидании установившегося пути.

Особенно активными оказались дипломатические контакты во времена правления Петра I, с которым связано и рождение российской синологии⁴. Среди дипломатов, ставших и первыми отечественными востоковедами, было немало «иноземцев», среди которых оказался Э. И. Идес, в 1695 г. издавший «Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695)».

³ История казачества Азиатской России : в 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 48.

⁴ Бартольд В. В. Восток и русская наука // Бартольд В. В. Сочинения : в 9 т. Л., 1925. Т. 9. С. 537.

Появлялись в Тобольске и собственные кадры: по заказу Посольского приказа в 1701 г. С. У. Ремезов составил «Чертежную карту Сибири», включавшую в том числе «Чертеж земли Нерчинского города» (Л. 19), «Чертеж всех Сибирских городов и рек и земель» (Л. 21), «Чертеж и сходство наличия земель всей Сибири Тобольского города и всех разных градов и жилищ и степей» (Л. 23). Опираясь на подорожные записи и схемы, свидетельства купцов и «невольных странников», он составил и описание стран Дальнего Востока, в том числе и китайских пределов (тогда еще не проведено было окончательное разграничение с Россией).

Обстоятельства сибирской ссылки позволяли другим «невольным странникам» — каролингам — военнопленным армии Карла XII довольно спокойно наниматься в экспедиции российских и иностранных ученых, где были востребованы их знания и жизненный опыт. Так, И. Т. фон Страленберг (Табберт) путешествовал из Тобольска по Сибири, а после возвращения в Европу в 1726 г. опубликовал книгу «Северная и Восточная часть Европы и Азии», где отобразил и страны Востока.

Накопленная (и отчасти отложенная в тобольских хранилищах) информация заинтересовала Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа), отбывавшего в 1806–1807 гг. монастырскую ссылку в Тобольске по решению Синода. Статус бывшего архимандрита и ректора Иркутской семинарии и обстоятельства (прежний архиерей уехал из Тобольска, а новый не прибыл) позволяли о. Иакинфу (которому было запрещено служить в храме) обратиться к разбору книгохранилища, где обнаружилась литература о Востоке.

Прочитав и обобщив разрозненные тобольские сведения, о. Иакинф обрел мечту — попасть в состав девятой Русской духовной миссии, «застрявшей» в Иркутске. К тому же в Тобольске, доносил свидетель, он «с самого его прибытия вел себя честно и трезво с соблюдением всех монашеских правил и должность по семинарии учителя красноречия исполнял неупустительно и с похвальным успехом, да и мной самим не замечен ни в каких непристойных званию его и предосудительных для монашества поступках, то о таком поведении его Святейшему Правительствующему Синоду сим благочестивейше и рапортую»⁵.

⁵ Кривцов В. Отец Иакинф. Л., 1988. С. 114.

В мае 1807 г. в Тобольск пришел указ о разрешении Н. Я. Бичурину (о. Иакинфу) отправиться в Пекин, однако впоследствии еще несколько раз — в 1829–1830 и 1835–1837 гг. — ему пришлось проезжать через губернский город, но уже как состоявшемуся ученому (в 1828 г. его избирают членом-корреспондентом Российской академии наук, а в 1831 г. — членом Парижского Азиатского общества).

Уникальная личность и выдающийся учёный, Н. Я. Бичурин внёс огромный вклад в мировую науку — это тщательно переведенные и обстоятельно прокомментированные 15 книг (и большое количество статей) — исторических памятников древнего и средневекового Китая.

Возражая отечественным ученым, считавшим ошибкой публикации исследований только на русском языке, а не на европейских (как было тогда принято), сам являвшийся полиглотом, о. Иакинф писал: «Если бы мы со времен Петра Первого доньше не увлекались постоянным и беззаботным подражанием иностранным писателям, то давно бы имели свою самостоятельность в разных отраслях просвещения. Очень неправо думают те, которые полагают, что западные европейцы давно и далеко опередили нас в образовании: следовательно, нам остается только следовать за ними. Эта мысль ослабляет наши умственные способности...»⁶

Так трудом коренных и «временных» тоболяков рождалась новая реальная сила не только в накоплении знаний о Китае, но и обреталась новая тактика толерантности, воплощённая в «тобольском типе культуры».

⁶ См.: Москвитянин за 1844 год. М., 1844. № 3. Ч. 2. С. 170.